

«На пляжах Италии платили по 20 баксов в день — это был кайф»

— Тебе никогда не казалось, что твоя судьба странным образом повторяет путь отца? Он ведь тоже одно время работал журналистом — спецкором в «Крокодиле»...
— Я, честно говоря, никогда об этом не думал — ты первый об этом говоришь... Ну да, сначала он вообще в каком-то там институте...
— Энергетическом.
— Да, что-то такое.

— Правда, он вылетел оттуда со второго курса — за излишнее увлечение карточной игрой. Меж тем ты куда не вылетал, катишься по жизни как сыр по маслу, вместо Чечни — аспирантура. Дело в том, что ты картами так не увлекаешься, как отец?

— Глупо сейчас говорить: это только иллюзии, никто ж не знает, что за этим стоит!

— А за этим действительно что-то стоит?

— Ну что такое благополучие, что такое счастье?... (Ой, что-то я копаю очень глубоко.) Я уверен абсолютно: один честолюбив, и он будет добиваться славы, другой любит лес, и он будет работать лесником. И они будут одинаково счастливы — абсолютно.

— Ты-то ищешь славы или леса?

— Я не настолько честолюбив, чтобы поставить себе целью непременно добиться славы, но и моей любви к лесу достаточно только для того, чтобы по нему гулять, но совсем мало для того, чтобы там жить, понимаешь? Может, это выглядит как-то легкомысленно, что я мечусь, подвешен где-то, от одного к другому, но у меня нет такой глобальной цели получить «Оскара» или заработать двадцать миллионов долларов к 2007 году. Ну нет у меня этого...

— Однако большинство любит к месту и не к месту вспоминать пословицу про солдата, который плох, если...

— В жизни полным-полно спортивного, но она все-таки не спорт, где есть Олимпийские игры с их золотыми медалями...

— На телевидении есть «ТЭФИ», в кино — уже названный тобой «Оскар», который вам за «Узника гор» (название «Кавказского пленника» в зарубежном прокате. — Авт.) злые люди так и не дали...

— (Надо было видеть выражение лица, с которым было сказано следующее.) Премия «ТЭФИ»? «Оскар»?.. Это все условия игры, и я сам иногда принимаю их, иногда нет. Чего говорить, приятно иметь «Оскара» — это клево. Изменит это мою жизнь? Да, наверное — больше успеха, денег. Но вот отсюда (Бодров обводит глазами комнату, где мы сидим: в углу свалены офисные кресла, на столе — какая-то кастрюлька с остатками былой роскоши, пепельница, несмотря на то, что говорим не так давно, полна окурков), отсюда ты никогда не можешь понять, что тебе нужнее — «Оскар» или тот лес. Это очень долгая дорога — к «Оскару»: то: Калифорния, Лос-Анджелес, Голливуд, студии, агентства, контракты на десять лет, наркотики — все что угодно. И если ты по ней пошел, уже никуда не соскочишь...

— Тебя-то что во всем этом пугает: Калифорния, студии или наркотики?

— Меня пугает то, что я там леса не увижу.

— А почему бы не совместить приятное с полезным, не спросить, в конце концов, у отца, как там что делается, — он уже несколько лет живет между Москвой и Калифорнией?

— Думаю, так не делается. Нельзя просто выслушать и повторить. Это делается ценой собственной жизни — дни, годы, месяцы ты тратишь на путешествие в непонятную сторону. Вот если ты просто едешь на поезде, как я это делал в Италии, работая там на каникулах спасателем на пляже, — сидишь, покупал пивка, сигарет и выходил на любой станции, какая мне понравится. Хотел, проводил там день, хотел — два, не понравилось — следующий поезд через полчаса.

— Тут главное не сам поезд, а то, что у тебя были деньги на билет. Ты, кстати, только из-за них спасателем работал?

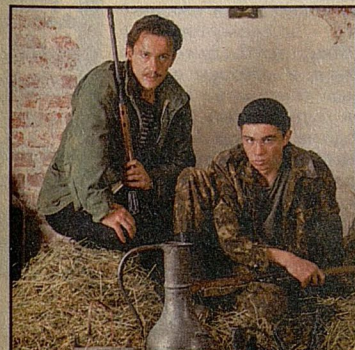
— Конечно. Но это было круто! Ты же, Италия, такая синекюра: девушки юные да немецкие дети — это была роскошь. Пляж, море, туристы. Для меня это было вообще — на первом курсе и уже Италия. Пла-

Лет пятнадцать назад Сергей Бодров-старший написал сценарий к картине «Юрка — сын командира» и через год получил за это третью премию на конкурсе лучшего фильма о чекистах и войнах границы, который проводил КГБ СССР. Собственно, комитетчикам, наверное, было не так уж и важно, каков, говоря языком того времени, моральный облик призера, ибо сумел же человек сделать то, что им понравилось, и это было главным. Меж тем сам Бодров, чья фамилия в те памятные времена произносилась еще без слова «старший», был человеком весьма веселого нрава и однажды, как признался позже, даже обчистил родную бабушку, забрав все ее сбережения. Вы только не подумайте ничего — просто в картишки человек любил перекинуться, не более. На счастье, бабушка нашла в себе силы простить, после чего внук ее не брал в руки карты чуть ли не четверть века. Рассказать, что случилось, когда обет кончился? Правильно — не стоит, ибо речь не об отце — о сыне, который пока в столь пикантном поведении не замечен, пищи для слухов подкидывает крайне мало и вообще ведет жизнь по-спартански суровую — работа, работа, работа и только потом дринок & герлз. А кому щас легко?

сергей бодров: плевать я хотел на все эти выпадь!

именно этот институт, отвечает — с другом пошел. На каждом шагу что-то подобное. Вот и у меня: вроде мама, вроде она в университете, вот родители и стали долбить: это хорошее образование, широкое, ты потом можешь заниматься чем угодно. Я-то предполагал, что буду делать что-то совсем другое — казалось, буду писать какие-то эти — сценарии. Ну я и не жалею сейчас, абсолютно — родители, оказывается, иногда умные вещи детям говорят. Хотя иногда и здорово мешают.

— Ты никогда не задумывался над тем, как часто родители предлага-

Если бы не Олег Меньшиков, Бодров-мл. никогда бы не снялся в «Кавказском пленнике»

ность и деньги...

— Ты это абстрактно говоришь или основываешься на собственном опыте?

— Частично — на своем, частично — на чужом.

— Проще говоря, тебе платят мало?

— Во всяком случае, я получаю меньше, чем думают окружающие. То же с уверенностью. К тебе подходит масса людей, они хотят дружить, но ты не знаешь, что им на самом деле надо, — абсолютно. Ты же! А с друзьями? У меня есть какие-то старые школьные друзья, и то... Они отдаляются, потому что ты занят, и новых друзей не приобретаешь. И с женщинами так же: ты не знаешь, что им нужно от тебя. Это такая проблема. Точно, абсолютно.

— Последнее о деньгах: считаешь, что тебе платят столько, сколько ты стоишь?

— Каждому столько платят, сколько он стоит. Есть, конечно, еще и наглость. Но когда кажется, что дали мало, я спрашиваю сам у себя: если совсем по-честному — ты заработал эти деньги? А после понимаю: наверное, нормально дали. Мне, честно говоря, было бы неплохо получать больше — я стущуюсь, если дадут столько, сколько я не жду.

— Ни разу не было такого, чтобы ты обалдел и сказал себе: ни хрена себе!

— Ни разу, ты же! Обычно получается меньше, чем хочется... Но все эти деньги — материя-то, в сущности, мистическая: часто берутся откуда, улетают в никуда. Меня тут как-то один мужик подвозил — простой очень дядька, не очень богатый, бывший алкоголик, потом его какая-то тетка-экстрасенс вылечила. И вот она ему сказала о деньгах: никогда у тебя их много не будет, но сколько необходимо — будет всегда. Он спрашивает у нее: а если я захочу остров в Тихом океане? Она ему: если он тебе правда нужен будет, тогда и появится. И я

тели 20 долларов в день. Мы там работали, конечно, но я мог себе позволить попутешествовать, ездить один — кайф абсолютный. В течение нескольких лет бывал там летом. Обязанностей-то немного было — зонтики какие-то раскрывать и все. А дальше — у меня два друга были, такие мацо — загорелые, все в золоте, они ложились, поднимали красный флаг, что означало — шторм, хотя на море была абсолютная гладь, и немецкие дети выходили, вытирали пот, но сидели спокойно. Кого-то уносили с солнечным ударом, после чего взрослые подходили и на ломаном итальянском спрашивали: можно хоть поплескаться? Мацо показывали пальцем на флаг, и послушные немцы плелись обратно.

— Медаль за спасение на водах ты, судя по всему, домой не увез.

— Не удалось, хотя в детстве очень хотелось получить что-то за спасение на пожаре или на воде — это было исключительно важно.

«Меня в детстве не нагибали. Только штаны заставляли носить»

— А это правда, что в детстве — несмотря на то, что перед тобой всегда был пример отца — ты даже не задумывался об актерской карьере?

— Правда. Ну, были лет в четырнадцать какие-то поползновения — в школу кто-то приходил из театрального кружка, что ли. Но это все

глохло на второй день. Это примерно то же, как мы все ходили в морской клуб и вязали там морские узлы... Я потом уже хотел пойти во ВГИК — на режиссерский или художественный, даже занимался у художника, готовился год почти.

— То есть было все равно — художником ты станешь или режиссером?

— Ты вспомни, как это бывает: ну куда? Ну не на искусствоведа же — там ведь одни девки! Я, правда, ездил с ними на практику на автобусе по русским городам, по Подмосковью. Мне, конечно, интересно было, но какие-то странные люди, какие-то все девки странные такие — в очках, и мне казалось все это немужским, несерьезным. А потом как? Все знают, куда идти, — есть такие люди, страстно увлеченные чем-то. А у меня ничего не было. Я в школе таким обалдеем был на самом-то деле. Прикинь, никто не верит: меня отец даже в училище фельдшерское отдать хотел после восьмого класса — чтобы я там на жизнь посмотрел.

— Я думал, что для этого обычно суворовское выбирают.

— Суворовское — это жестоко. Но в общем он бы отдал и туда. Вмешалась мама, к счастью.

— И сказала отцу, чтоб он сам шел учиться на фельдшера и наконец-то сделал в жизни хоть что-нибудь полезное!

— Приблизительно так и было. После чего у меня появился выбор. Ну, доучился до десятого и тут попал. Да Господи, сплошь и рядом такое: спрашивают, почему ты выбрал

ли тебе сделать нечто, ты это не делал, а теперь бы, как и к совету об образовании, непременно прислушался бы!

— Иногда жалею, что не учился музыке — мне это казалось чудовищным. Я смотрел на этих детей, которые каждый день на рояле задрочивались по-черному, и упирался как мог.

— Нагибали, но ты не сломался!

— Ты знаешь, меня вообще как-то не нагибали особо. Только раз в детстве заставляли носить штаны, которые ненавидел, — модные югославские штаны, привезенные из командировки, у них были кожаные заплатки на коленях и заднице. О, как я ненавидел их!

— Может, штаны были модны только в самой Югославии?

— Не знаю, но родители говорили, что это очень крутые штаны. К сожалению, крутизну эту понимали только они сами, я же любил байковые треники — помнишь? — типа шаровар.

— А сверстники, значит, зачморить старались?

— Вот именно! Раз четыре надел, столько же подрался и после уперся и никогда уже к ним и близко не подходил. А больше не заставляли, хотя и надо было — и рисованию учить, и музыке, и принуждать — тоже надо.

— То есть ты к своим детям именно так подходишь будешь?

— Да рано пока.

— Что мешает? Известность вроде есть...

— Известность не всегда уверен-

уверен: когда мне действительно приспичит, я заработаю.

— Если ты на самом деле во все это веришь, можно абстрагироваться от денег, и тогда получится, что предложенная отцом первая роль тоже была тебе страшно нужна.

— Ты знаешь, да. У меня действительно был такой период очень сложный — закончил институт, какой-то год был бесполом, впереди маячила аспирантура, к которой я не очень-то серьезно относился. Были какие-то мои ребята, кто-то женился, кто-то начал работать, а кто-то непонятно где шатался...

— Ко всему этому еще и любимая девушка бросила!

— Точно, абсолютно! И полная непонятка — что, чего, как? И вдруг — раз! Я всегда говорю: все было случайно...

— За три дня до съемок отец позвонил...

— А я нагло согласился...

— А он тебе на это сказал, а ты ему ответил — это понятно. Но если быть до конца честным: ты в глубине души знал, что рано или поздно отец предложит что-то, что перевернет твою жизнь раз и навсегда?

— Никогда. Мы обычно разговаривали с ним, и мне эти беседы о будущем и месте в жизни всегда были в тягость. У меня, если честно, появлялись какие-то мысли о том, что в конечном счете все будет нормально. Но есть периоды, когда ты не понимаешь, что случится дальше. Пустые такие. Замедленные. Конечно, формально то обстоятельство,

что мне предложили роль в «Кавказском пленнике», было ключевым поворотом в жизни: снялся в фильме, потом было Сочи, познакомился с Балабановым, потом «Брат», после чего пригласили во «Взгляд» — цепь случайностей, как с той бабочкой у Брэдли. Я ведь в то время собирался ассистентом у Иоселиани работать. Но не клеилось как-то.

— Думаешь, звонок был той самой бабочкой, после чего ты и дошел до жизни такой?

— Нет, было бы что-то другое. Обязательно.

Кому-то не нравится видеть меня во «Взгляде», но я работаю

оружием, люди, вас охранявшие, у вас же требовали якобы зажатых денег! Многие, впрочем, до сих пор считают, что то был рекламный трюк перед выходом фильма на кассетах.

— Неприятная была ситуация, хотя до автомата у виска дело и не дошло. Их главный пришел с коньяком и шампанским, говорит: ты брат, я брат, засучи рукава, я тебе чиркну, себе чиркну, у тебя красно, у меня красно.

— Бритвы под рукой, конечно, не нашлось!

— А зачем мне это — вену-то себе где-то в Дагестане пить? К тому же потом они, посчитав, что мы недоплатили, пообещали сжечь машину. Ну сожгите, говорим.

До какого-то момента ничего особо страшного не было, но ведь мог бы кто-то приехать нас выручать, и началась бы такая маленькая войнушка.

— Тебе бы это могло быть и по кайфу — ты ведь в армию так и не попал.

— Не попал, но вряд ли так уж приятно было бы. Мы ведь с ними дружили, все было по-братски, выпивали, и вдруг этим людям стало казаться, что они стоят больше. Нас не привязывали, ничего такого не делали — просто не выпускали.

— Если смотреть на эту сторону кинематографического процесса, над «Братом» тебе должно было больше понравиться работать — там если кто чего и требовал, так только твой герой.

— Во время съемок «Брата» была такая семейная обстановка — маленькая группа, сосиски на кухне.

— Еще один режиссер-депот.

— Деспот, конечно, но на мне это не очень отражалось — Балабанов, по-моему, не очень любит артистов, поэтому с ним было клево.

— Тебе не кажется, что фильм похож больше на рекламный проект в поддержку бутусовского альбома? Стоит вспомнить, как ты третий (!) раз приходишь в магазин за CD «Наутилуса» и продавщица уже в который раз отвечает: дескать, ну очень популярная группа, ну все-все-все разобрали.

— Приблизительно о том же мне говорили музыканты одной очень известной группы: такого же просто не бывает, чтобы запасы только что выпущенного альбома кончились. Наверное. Но я над этим как-то не задумывался. Это знаешь, как художник по костюмам смотрит кино и видит, что, допустим, в этом месте платье никогда и нигде не застегивалось в XVIII

веке — ну не было такого. Сам-то фильм хороший, но ему это уже абсолютно безразлично. Или вспомни, как смотрят актеры: ага, раз лажанул-ся, два лажанул-ся...

— Тебе это говорили?

— Актеры? Никогда. Они как раз плохо не скажут. Только наоборот. — Ты, когда прочитал сценарий «Брата», понял, что это чистой воды российское продолжение «Рэмбо». Помнишь тот фильм?

— В конце концов, ходов-то этих — сам знаешь. Возьми историю мировой литературы — сколько там этих схем? Прямо посчитать можно... А что до похожести... Согласен: похоже. Но будет «Брат-2». Надеюсь, начнем где-то осенью, хотя сценария еще нет пока.

— Судя по всему, герой твой должен добраться до Москвы!

— До Москвы — как минимум.

— И справедливость восторжествует!

— Как положено...

Иногда дать в морду — это просто, честно и благородно

— Год назад тебе вручили приз кинопрессы как одному из лучших актеров, кажется, 1996 года — тарелочку с ресивером. И как!

— Стоит у родителей. По-моему, это был уже не первый приз — до этого на «Кинотавре», что ли, чего-то дали...

— «По-моему»? Так ты не ведешь учета призов?

— Честно? Нет. Мне вот в Чикаго дали какого-то «Серебряного Хьюго», что ли, так я его в глаза не видел — какой он из себя. Может, и правда серебряный... Я, конечно, люблю красивые вещи, дома лежат какие-то штуки — ножки какие-то, фотоаппараты. Посуду люблю красивую. Но не собираю ничего, не коллекционирую — просто люблю. А все эти статуэтки меня не очень возбуждают эстетически, хотя, конечно, приятно получить что-нибудь.

— После выхода «Брата» было много разговоров о том, что он представляет из себя попытку героизировать братву, обелить ее. Сами-то братки поняли это, оценили?

— Почему столько возмущений, что мой герой — убийца, ублюдок, монстр? А в американском кино сколько убивают? Другое дело, там это делают красиво, легко, это игра, условность, а у нас все воспринимается слишком буквально. Как в русской литературе: все писатели — мессии, все читатели — студенты, которые воспитываются на этих книгах. Мне кажется, слишком серьезно нельзя к этому относиться. А что до «Брата» — в нем была какая-то достоверность. Бандиты говорили мне: да, вот точно так и валят — оделся, как черт, очки; ну, много лажи, конечно...

— Хотя бы одну цепь в три пальца подарили — в знак признательности!

— Не-еет, ты че!.. Вообще странная штука: подходят и бойцы СОБРа, и бандиты, и красно-коричневые идеологи какие-то. И все находят что-то свое. Даже дети — не знаю, чего им может там нравиться?

— Ты отчасти из-за этого согласился работать над продолжением?

— Скажу тебе, что мечтаю создать новый образ, а ты не поверишь и решишь, что все из-за денег. Посуди сам: ты же не пойдешь несколько лет клеить конверты только потому, что заплатят в пять раз больше того, сколько ты мог бы получать на любой другой работе? Никакие ведь самые дикие бабки не заставят человека делать то, что он не может заставить себя делать. Кому-то, например, не нравится видеть меня во «Взгляде», но я работаю и плевать хотел на все эти выпады.

— Видно, вывести тебя и довести до драки не так уж и сложно.

— Конечно, реально. Не люблю очень хамства. Вот тут я могу, да... Хотя уже давненько не дрался — года два, наверное.

— Перестали хамить?

— Да нет, просто теперь хамят по-другому. Приходится вспоминать о том, что это плохо — бить человеку морду. Есть же и какие-то цивилизованные способы решения конфликтов — суды там всякие. Но я же никогда в жизни туда! Представь: с каким-то там говном таскаться по судам?! Дать в морду проще гораздо, и честнее, и даже благороднее по отношению к человеку. А сейчас ну кому я дам в морду, кому? Конечно, если в переходе наедет кто-то, тогда... А так...

— Последнее: тебе сегодня что важнее — защита диссертации через месяц, съемки фильма осенью или отношения с женщиной?

— Сейчас — только отношения с женщиной. Ты че! Абсолютно.

Кирилл ЛИТМАНОВ.

У меня нет такой цели — заработать 20 млн. долларов к 2007 году

«Осенью начинаем работу над «Братом-2»

— Но уже не было бы дагестанского аула Рича, где снимали «Кавказского пленника» и где вам всем пришлось жить на манер местных, в связи с чем недели через две всех скрутило.

— Да какие две недели — уже на третий день все случилось. Ты че! Там же одна баранина и антисанитария — желудки не выдержали. Только меня почему-то Бог миловал. Хотя там здорово было.

— Несмотря на то, что, угрожая